

29. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.143.
30. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.146.
31. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.152.
32. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.154.
33. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.155.
34. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.167.
35. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.170.
36. ЦДАВО України. – Ф.587. – Оп.2. – Спр.176.

Кропотов В.В.

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ФИБУЛ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Постановка проблемы. Металлические застёжки-фибулы относятся к той разновидности археологических находок, которые давно и успешно используются в качестве важнейших хронологических индикаторов. Массовость этих изделий, распространение одних и тех же форм на огромных территориях и постоянное изменение деталей конструкции делает данные украшения уместными для любых хронологических построений, так как ни одна другая категория вещей не обладает всеми этими качествами. Углубленное изучение фибул лежит в основе хронологии гальштатской, латенской, провинциально-римской, зарубинецкой, черняховской и многих других культур. Поэтому удивительным является тот факт, что всесторонний анализ фибул юга Восточной Европы сарматского времени до сих пор остается в тени исследовательского внимания. Единственная обобщающая работа о них [1] была подготовлена более 40 лет назад и ныне серьезно устарела. В последнее время количество известных фибульных находок возросло во много раз, накопился новый хорошо документированный археологический материал, во многом противоречащий общепринятым теоретическим построениям и, по существу, не известный широкому кругу исследователей.

Общеизвестно, что теоретическая обработка археологического материала, его типологизация и каталогизация представляет собой очень сложную научную проблему. Изучение древних культурно-исторических процессов невозможно без хронологического анализа вещей, выявления их региональных особенностей, способов производства и путей поступления. Кроме того, именно в материальной культуре нашли свое отражение духовные воззрения древних народов, их ценностные ориентации, эстетические предпочтения, условия жизнедеятельности, стереотипы поведения. Поэтому в археологических классификациях ведущую роль всегда должны играть *адекватность* и *методологическая обоснованность* когнитивных схем, используемых для всестороннего анализа накопленного массива данных.

Цель данной работы – выявление ведущих принципов и методологических подходов к систематизации фибульных находок и уточнение существующих классификационных схем для наличного массива фибул юга Восточной Европы сарматского времени (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Изложение основного материала. Классификация фибул, как и классификация любой другой массовой категории находок, – одна из наиболее сложных задач археологии. Главная причина этого – многочисленность таких изделий и огромное разнообразие их форм. Любое обобщение подобного материала сталкивается со значительными трудностями и в первую очередь с необходимостью выработки четких принципов, позволяющих разбить все находки на отдельные группы.

Важность создания подробных типологических схем прекрасно осознавали уже первые исследователи северопричерноморских застёжек, однако отсутствие практического опыта и четко сформулированной цели не позволило им комплексно подойти к решению этой задачи. Избранный учеными путь – механическое деление всей совокупности имеющихся в их распоряжении находок по какому-либо одному внешнему признаку – представлялся им единственно верным. Так, А.П. Калитинский, опираясь только на сечение спинки, разбил все подвязные застёжки на десять типов [3, с.197-211], а А.И. Фурманская по форме приемника – сплошной, подвязной и высокий – выделила три основных группы среди ольвийских фибул [5, с.80-88]. Обе типологические схемы в результате оказались не очень удачными, поскольку объединили вместе совершенно разнокультурные и разновременные вещи, что привело их создателей к ошибочным выводам относительно хронологии и эволюции северопричерноморских застёжек.

Гораздо более перспективное направление заложил О. Альмгрен. Фибулы в его классификации были поделены на группы по сумме признаков, отражающих реальное сходство одних вещей и их отличие от других. При этом особое значение исследователь отводил картографированию. Наблюдение за территориальными особенностями изделий каждой из групп помогло ему выделить среди них более мелкие локальные варианты – серии, а подробный типологический анализ (по методике О. Монтелиуса) – наметить их хронологию и эволюцию. Сравнив линии развития отдельных фибульных групп, ученый пришел к важному выводу о культурном взаимодействии народов Северной Европы и соседних регионов и предположил, что в позднеантичное время ведущую роль в этом взаимодействии играло Северное Причерноморье [7, с.113-131]. Таким образом, примененный О. Альмгреном метод – сопоставление результатов типологического анализа и картографирования – не только позволил ему построить стройную типологическую схему северо-европейских застёжек, но и показал поистине огромные возможности их углубленного изучения. Благодаря такому подходу, его работа не потеряла своего значения и сегодня, когда объем фактического материала многократно возрос.

Вместе с тем, несмотря на явные преимущества, новая методика долго не находила применения в обработке восточноевропейских находок. Серьезный вклад в ее внедрение внес только А.К. Амброз [1]. Он, вслед за О. Альмгреном, разбил весь фибульный массив II в. до н.э. – IV в. н.э. юга Восточной Европы на большие типологические группы, которые, в свою очередь, поделил на более мелкие серии. Но эти серии, в отличие от серий О. Альмгрена, отражали не столько территориальные, сколько конструктивные и производственные особенности застежек. Располагая хронологически более проработанным материалом, чем его предшественники, А.К. Амброз предпринял и следующий шаг: выделил в рамках серий отдельные варианты, которые, по его замыслу, должны были показать постепенное развитие форм вещей во времени [1, с.8]. При этом исследователь исходил из ряда принципиальных установок.

Во-первых, каждое явление следует рассматривать в развитии, в сложной взаимосвязи с другими явлениями и одновременно выделять его среди других явлений посредством индивидуальных черт, их особой своеобразной комбинации [1, с.7]. Этот принцип предполагает наличие внутри каждого длительно существовавшего типа фибул разновременных вариантов, эволюция которых протекала не изолировано, а в тесной связи с эволюцией фибул других типов. При этом на развитии отдельных фибульных форм, сказывалось не только изменение моды, но и общие особенности развития культуры и экономики народов изучаемого региона, в частности, сочетание элементов натурального хозяйства "варварских" племен и широкой торговой экспансии античных центров, подъем и падение политических объединений, изменения в этногеографии.

Во-вторых, А.К. Амброз не сомневался в том, что для отдельных районов и племен можно выделить специфичные формы фибул, причем *"чем глубже будут наши знания материала, тем детальнее будут эти деления"* [1, с.7]. Всевозможно более дробное типологическое членение позволит уловить малейшие вариации формы, могущие оказать помощь в хронологическом и территориальном подразделении материала.

Исходя из этих положений, А.К. Амброз предложил стройную методику классификации и учета всей суммы признаков вещей. По его мнению, следует особо выделять такие черты: 1) индивидуальные, характерные только для данной вещи, 2) общие для небольшого числа близких вещей, 3) общие для больших серий вещей и 4) общие для большинства изделий определенной эпохи и территории. Тогда низшее звено классификации – узкий вариант – будет представлять собой группу вещей, тождественных или почти тождественных по всей сумме признаков, и, соответственно, будет монолитным как по хронологии, так и по узкой территории распространения. *"Идеальным пределом было бы выделение вещей отличных в одной форме или выкованных одним мастером. Сейчас, на данном уровне накопления материала и его изученности, можно выделить изделия для отдельных культур и больших областей, в будущем, с углублением наших знаний – продукцию отдельных мастерских"* [1, с.8]. Узкие варианты на основе более общих признаков составят типы или, точнее, серии – ряд разновременных вариантов, представляющих собой последовательное развитие одного и того же типа фибул. Серии, в свою очередь, объединятся в широкие группы, связанные некоторым количеством общих признаков – обычно общими прототипами или изготовлением в одной и той же среде [1, с.8].

При этом необходимо подчеркнуть, что при классификации фибул А.К. Амброз исходил не из априорного выделения одинаковых для всего разнородного материала признаков, а попытался раскрыть реальное развитие форм вещей во времени. Жесткая, чисто формальная, "механическая" классификация, по его мнению, искажает реальную связь явлений, так как ведущие признаки варьируют внутри разных групп, серий и вариантов не одинаково, а в соответствии с местными особенностями их развития мастерами древности. *"Руку мастера направляли два побудителя: вкусы и запросы заказчика (потребителя), подчинявшиеся вкусам эпохи, и глубокая традиционность древнего ремесла"* [1, с.8].

Использованный А.К. Амброзом методический подход, внутренне не противоречивый, оказался довольно удачным. Именно благодаря ему, классификация автора получила всеобщее признание. И хотя излишнее увлечение строительством типологических рядов во многом привело исследователя к ошибочным выводам о хронологии и эволюции северопричерноморских застежек, а недостаточная изученность ряда находок заставила ввести в классификацию дополнительные типологические звенья – типы и подгруппы, значение которых ученый не оговорил, его работа долгие годы продолжала служить основным руководством по разбору и определению массового фибульного материала, а заложенные в ней классификационные принципы до сих пор остаются наиболее обоснованными.

Отмечая наличие во многих вариантах своей классификации неоднородных вещей, А.К. Амброз допустил, что в будущем, с появлением новых находок, выделение среди них подвариантов станет неизбежным [1, с.8]. Это предположение подтолкнуло некоторых исследователей к дальнейшему дроблению его типологической схемы. Так, В.М. Косяненко попыталась более детально разобрать причерноморские сильно профилированные фибулы и застежки с кнопкой на конце приемника (группы 11 и 12 по А.К. Амброзу) [4, с.45-53], И.Н. Храпунов и В.В. Масыкин – дифференцировать лучковые фибулы "инкерманской" серии (группа 15, серия II по А.К. Амброзу) [6, с.140-143], а Е.Л. Гороховский и О.В. Гопкало – подробно поделить застежки "с очень высоким приемником" (группа 18 по А.К. Амброзу) [2, с.112-125]. Но углубившись в морфологический анализ находок, эти авторы упустили из виду основной принцип деления материала, заложенный в классификации А.К. Амброза, и в результате выделенные ими варианты перестали отражать хронологическое членение находок.

Здесь следует отметить, что древние мастера не располагали современными техническими средствами массового производства и изготавливали всю свою продукцию вручную, из-за чего каждое их изделие получалось по-своему уникальным. Это особенно хорошо видно на примере лучковых фибул. Несмотря на их массовость, внешнюю простоту и однообразие, крайне сложно подобрать хотя бы два совершенно одинаково-

вых экземпляра. Каждая застежка отличается от других своими размерами, толщиной проволоки, изгибом дужки, количеством витков в обмотке и т.д. Поэтому отход от объективных принципов классификации и упор на слепое выделение отдельных форм может привести к созданию такой типологической схемы, в которой низшее классификационное звено будет содержать только одно изделие, а количество таких звеньев, в конце концов, окажется равным количеству самих изделий. Подобные чересчур детальные типологические схемы, перегруженные не несущими особой смысловой нагрузки подвариантами, не только серьезно затруднят работу с новым материалом, но и просто обесмысливают саму классификацию, призванную обобщать и систематизировать массовые находки.

Чтобы избежать подобных результатов, при построении классификационной схемы следует руководствоваться строгими базовыми принципами, при которых каждая выделенная группа предметов будет отражать вполне определенные различия в материале. Такие принципы наглядно продемонстрированы в типологиях О. Альмгрена и А.К. Амброза. Первый при создании своей системы опирался на территориальное членение находок, второй – на хронологическое. Новые типологические схемы несомненно должны учитывать оба этих принципа: весь фибульный массив последовательно должен быть поделен на группы, серии и варианты, где *группа* – совокупность вещей, характеризующихся общими внешними признаками, *серия* – более дробное подразделение находок в рамках группы по индивидуальным конструктивным особенностям, подчеркиваемым компактным территориальным распределением, *вариант* – ограниченное число схожих изделий, бытовавших в течение одного хронологического периода. Таким образом, выделенные варианты будут отражать последовательное изменение форм вещей во времени, а серии – их территориально-конструктивные особенности.

Основной способ достижения этой цели – сопоставление результатов типологического анализа, картографирования и стратиграфических наблюдений. При этом, по-видимому полностью, следует отказаться от так называемого типологического метода, разработанного О. Монтелиусом [8]. Построенный на предположении о последовательном однолинейном эволюционном развитии форм вещей во времени, этот метод слишком часто приводил к ошибочным выводам, не подтверждающимся стратиграфическими наблюдениями. Взамен ему, особое значение приобретает анализ встречаемости фибул различных типов в закрытых комплексах, позволяющий не только проследить относительную хронологию застежек, но и наметить их абсолютные датировки.

При вычленении отдельных фибульных групп, серий и вариантов необходимо максимально придерживаться деления, предложенного О. Альмгреном и А.К. Амброзом. Как уже указывалось, их классификация и терминология давно уже стали общепринятыми, и внесение в них резких изменений может привести к значительной путанице в определении новых находок. Однако современное состояние фактического материала не всегда позволяет им полностью следовать, особенно, в отношении вариантов, выделенных А.К. Амброзом: намеченные этим исследователем эволюционные ряды, как и его хронологические построения, серьезно устарели.

Общий типологический анализ фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э. позволяет выделить среди них 17 основных групп. Это фибулы со свободной ножкой раннелатенской схемы (*группа 1*), фибулы с закрепленной ножкой среднелатенской схемы (*группа 2*), воинские фибулы со сплошным приемником (*группа 3*), лучковые подвязные фибулы (*группа 4*), дужковые фибулы с двумя иглами (*группа 5*), миниатюрные фибулы с выпуклой спинкой и сплошным приемником (*группа 6*), смычковые фибулы (*группа 7*), фибулы с завитком на конце сплошного приемника (*группа 8*), фибулы с кнопкой на конце сплошного приемника (*группа 9*), сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке (*группа 10*), т.н. "гибридные" фибулы, совмещающие в себе признаки нескольких групп (*группа 11*), провинциальные сильно профилированные фибулы с расширенной головкой (*группа 12*), шарнирные дуговидные фибулы (*группа 13*), броши с двумя иглами (*группа 14*), броши с застежкой-фибулой (*группа 15*), броши с шарниром из двух стоек (*группа 16*), фибулы редких на юге Восточной Европы западных типов (*группа 17*).

Более дробное деление этих групп (на серии и варианты) возможно лишь после сбора и всестороннего анализа всего массива фибул, что, по вполне понятным причинам, невозможно в данной ограниченной по объему статье.

Выводы

1. Классификация столь многочисленной и разнообразной категории археологических находок, как фибулы, невозможна без разработки четких подробно обоснованных принципов, позволяющих разбить все находки на отдельные группы. Старые приемы формализованного морфологического анализа уже не применимы к новому, сложному по составу материалу.

2. Новые принципы классификации наглядно продемонстрированы в фундаментальных работах О. Альмгрена и А.К. Амброза: первый опирался на территориальное членение находок, второй – на хронологическое. Современные типологические схемы непременно должны учитывать оба этих принципа.

3. Несомненно устарел общепринятый ранее так называемый типологический метод анализа артефактов, разработанный О. Монтелиусом. Построенный на предположении о последовательном однолинейном эволюционном развитии форм вещей во времени, этот метод слишком часто приводил к ошибочным выводам, не подтверждающимся стратиграфическими наблюдениями. Взамен ему, особое значение приобретает анализ встречаемости изделий различных типов в закрытых комплексах, позволяющий не только проследить относительную хронологию находок, но и наметить их абсолютные датировки.

Источники и литература

1. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. – Вып.Д1-30. – М., 1966.
2. Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археология давніх слов'ян. – К., 2004.
3. Калитинский А.П. О некоторых формах фибулы из Южной России // Seminarium Kondakovianum. – Vol.I. – Prague, 1927.
4. Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. – 1987. – №2.
5. Фурманська А.І. Фібули з розкопок Ольвії // Археологія. – 1953. – Т.VIII.
6. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. – 1998. – №4.
7. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. – Stockholm, 1897.
8. Montelius O. Den nordiska jernalderns kronologi // Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift. – 1896. – Т.IX.

Осташук В.І.**ВІДОБРАЖЕННЯ ОСВІТНЬОЇ ПОЛІТИКИ РУМУНСЬКОЇ АДМІНІСТРАЦІЇ В ОФІЦІЙНИХ ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАННЯХ М. ОДЕСИ 1941 – 1944 рр.**

Всі процеси, які відбуваються в політиці, культурі, економіці і загалом в житті відбиваються на сторінках періодичних видань.

Виходячи з цього метою статті є розглянути періодичні видання Одеси, та проаналізувати відображення політики румунської адміністрації в галузі освіти.

Основним завданням стало на основі періодичних видань окреслити напрямки, суть, принципи румунської моделі держаної політики стосовно освітніх процесів Одеси в період окупації.

Серед дослідників, які в тій чи іншій мірі торкалися згадуваних проблем, треба зазначити американського історика А.Далліна, українських істориків Щетнікова В. та Михайлуцу М.[1]. Але окремого дослідження з цієї проблематики не було. Тому для з'ясування окресленої проблеми ми звернулися до періодичної преси, яка виходила у 1941 – 1944 рр. в Одесі. .

Відродження преси в Трансністрії було важливим досягненням пропаганди. Люди відчували ненадійність, коли перестали отримувати газети, це приводило до ускладнень в установленні порядку. Румунська ідеологічна система виходила з позицій, що радянська ідеологія сформувала певний тип ментальності, який слід було зламати. Велика роль в цьому процесі відводилась ЗМІ.

На початку серпня 1941 року румуни почали публікацію альманаху під назвою “Трансністрія” раз на тиждень він друкувався в Бухаресті і був написаний румунською мовою. В основному, складався з офіційних матеріалів і декретів. Почали з'являтися ранкові і вечірні газети, але вони були короточасні через брак фінансування.

Газети, всі форми публікацій, радіо і сама цензура були під надзором директорату культури (пізніше пропаганди), під керівництвом соціолога Трояна Херсені. Згідно декрету Антонеску від 19 серпня 1941 року газети не могли друкувати критику румун чи німців, а повинні були вести антирадянську і антисемітську лінію, все це було під наглядом цензури, у випадку відходу від цієї лінії газету штрафували.

Першою газетою, яка з'явилася мало не з перших днів окупації була “Одеська газета”. Вона видавалася з 17 жовтня 1941 до 4 березня 1944 років. В цілому вона була і залишалася виразником ідей Одеської примарії. Це була найсуворіша з газет за змістом, тому що друкувала тексти правил і декретів. Видавалася “Одеська газета” паном Думітраску, вчителем молдавської і російської мов. Вона цитувалася навіть німецькою пресою. Саме вона найбільш повно повідомляла про відкриття шкіл, гімназій, ліцеїв, діяльність вищих навчальних закладів. Вже 28 жовтня “Одеська газета” повідомляла, що міський муніципалітет прийняв делегацію професорів вищих навчальних закладів, які запевнили Генерального секретаря міського Муніципалітету пана Видрашку в їх співпраці.

Були порушені питання про відновлення діяльності вищих та середніх навчальних закладів міста. Це стало компетенцією департаменту Управління Губернатора Трансністрії [2].

28 листопада в “Одеській газеті” освітлювалося засідання Шкільної Комісії за участю представника Міністерства Народної Провіти, який прибув з Бухаресту.

Саме це періодичне видання надає нам змогу уявити загальну картину системи освіти часів румунської окупації. Отже, за румунською системою навчання середня освіта мала 3 ступені: I ступінь – початкова школа (“школа примар”), II рівень – гімназія, III рівень – ліцеї

Гімназії та ліцеї частіше всього представлені в одному учбовому закладі, яке носило назву ліцей[3].

Початкова школа або школа “примар”, охоплювала дітей у віці від 7 до 14 років і була семирічною школою, її відвідування обов'язковим. Але треба відмітити, що в той час, коли перші чотири класи відвідували абсолютно всі діти Трансністрії, в наступних чотирьох не всі вчилися. Частина дітей, які закінчили чотири класи, вступали в перший клас ліцею чи інших шкіл, а інша частина, особливо в селі, уходила працювати. Необхідно зазначити, що початкова школа займала особливе становище. Без свідцтва про закінчення 4-х класів початкової школи неможливо було вступити в перший клас ліцею, навіть вступаючи до